

Алла Арцис

ЗИМОРОДОК

СТИХИ

Алла Арцис
Зимородок. Стихи

«Издательские решения»

Арцис А.

Зимородок. Стихи / А. Арцис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900611-0

ЗИМОРОДОК Аллы Арцис — необычная птица. Когда-то «грубая песнь зимородка» уже звучала, но прошли годы, пока «африканским подарком, как солнечный зайчик на сером снегу» снова не возник его облик, а голос окреп. В этом сборнике «от обретенья скрижалей вплоть до финала времен» есть и Карфаген, и Китеж, «бежит босая речка», «львы... цедят янтарное вино», а лирический герой, сравнивая себя с улиткой, «целый мир... уместает на одном листке». Но — «мы созданы как птицы», утверждает автор. И эта птица поет!

ISBN 978-5-44-900611-0

© Арцис А.
© Издательские решения

Содержание

Улитка	6
«Проростки призрачных наитий...»	7
Зимородок	8
Улитка	9
«Владыки нет, пуста обитель...»	10
«Прости, что я пришла незваная...»	11
«Сколько длинных минут...»	13
Гроза	14
Двадцать пятый час	15
Ожидание	16
Сон дерева	18
Гея	19
«Небо вытекло белком из яйца...»	20
«Хотите, буду Вашим саквояжем...»	21
Страх	22
Второй	23
Финист – ясный сокол	24
Снежная королева	25
Галатея	27
Гаданье	29
«Рука не упадет – душа не оскудеет...»	31
Рождество	32
Китеж	34
«На крыльях синей стрекозы...»	35
Китеж	36
Борисоглеб	37
Молога	38
Колокол	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Зимородок Стихи

Алла Арцис

Иллюстратор Алла Иосифовна Арцис

Фотограф Алла Иосифовна Арцис

© Алла Арцис, 2017

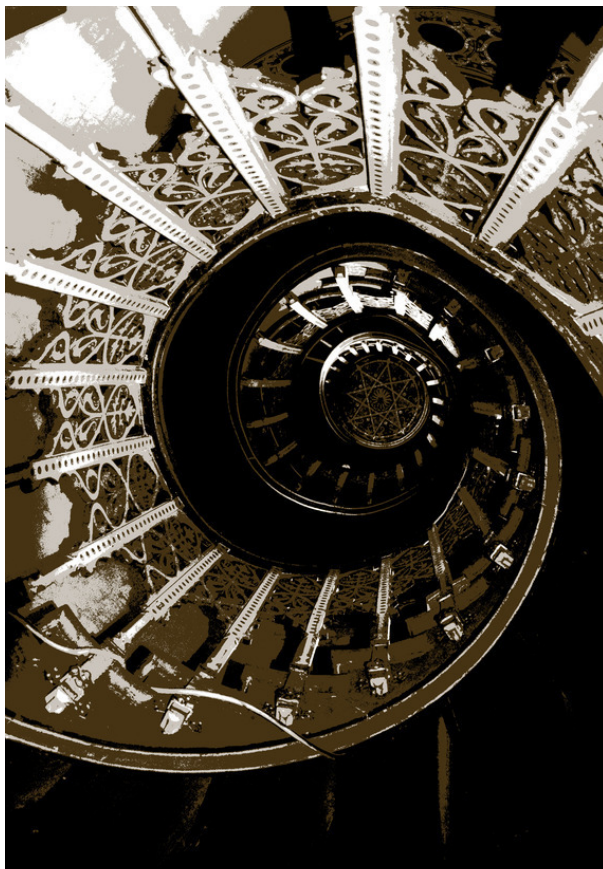
© Алла Иосифовна Арцис, иллюстрации, 2017

© Алла Иосифовна Арцис, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4490-0611-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Улитка

«Проростки призрачных наитий...»

Проростки призрачных наитий
Едва заполнят пустоту.
Но – говорите, говорите!
Слова взрывают немоту.

Слова вскрываются, как почки,
Апрельской одурью листов
И перепахивают почвы
Тугих утопанных пластов.

Где шорох роста еле слышный,
Слова прольются, словно дождь.
В угоду истине облыжной
Недоговоренное – ложь!

Слова исполнены звучанья,
Их назначение – поток.
Бесплодно золото молчанья,
Дрожит наития росток.

Зимородок

Низкой водою на шорох и всплеск
Тихо спускается лодка.
То ли маяк – оперения блеск,
Грубая песнь зимородка.

Птица моя, золотое крыло,
Близко летящая птица,
Нас за тобой повело, повело,
Бог упаси тебя сбиться.

Да не обманет нас острый твой глаз,
Пёстрые перья в осоке,
С озера Верхнего к озеру Вяз
Вниз по Великой протоке.

По ивнякам, по сосновым стволам
К осени катится лето,
Бедной листвою с дождём пополам
По берегам перепето.

К озеру Вересы с озера Вяз
Ивой, черникой, малиной,
По берегам в буреломе увяз
Траурный крик журавлиный.

Край твой озёрный по грудь замело
Змейками вьюжных позёмок.
Нас за тобой повело, повело,
Разве покинешь ведомых?

Да не обманется всполохом взгляд:
Как золотой самородок,
Там, на снегу – пестрокрылый мой брат,
Птица моя – зимородок.

Улитка

За колючею проволокой слов
Недотрогой живу, недотрогой.
Не срывай ненадёжный засов,
Не тревожь в этой келье убогой.

Чур меня! За черту не ступи
Ни случайно, ни ради забавы.
Отпусти, не слепи, не слепи
Фосфорическим отблеском славы.

Пощади мои хрупкие сны,
Не буди от привычной дремоты
Терпким запахом новой весны —
Тяжким запахом прели и пота.

Дней бесстрастных, асфальтов кольцо
Не своди неотступно у горла.
Фонари мне вонзились в лицо,
Как латунные тонкие свёрла.

Этой улицы ржавый лоток,
Маеты этой мыльная пена,
Верещанье, вещание, ток
Сквозь меня – и по венам, по венам.

Сквозь меня – на Кольцо, на Бульвар,
Расцветая, светая дымами,
Плещет город асфальтовый вар
Трогуарами, рамами, швами.

Сквозь – до сорванной кнопки звонка,
До обломанной кафельной плитки.
Сквозь... Я майского меньше листка,
Мне достаточно храма улитки.

«Владыки нет, пуста обитель...»

Владыки нет, пуста обитель,
Разорено гнездо-раек,
Где одержимый покоритель
Сиянье нимба превозмог.

Планета падает, как прежде —
О чудо, как еще цела, —
Не оставляя нам надежды
Свершать нездешние дела.

Но наг, без мантии мишурной,
С холста предстал передо мной
Такой неведомо лазурный,
Такой обыденно земной.

В его глазах улыбка брезжит,
И удивление, и страх,
И, будто по живому режут,
Такая боль в его глазах.

И он не судит, не прощает,
Не указывает путь во мгле,
Он ничего не обещает
Ни в небесах, ни на земле.

Он прежде был и будет дальше
Лучить из несмежимых век...
Мерило истины и фальши,
Не бог, не царь, но – человек.

«Прости, что я пришла незваная...»

Прости, что я пришла незваная
Под это небо.
Моя земля обетованная
Покрыта снегом.
Прости, не сбудутся пророчества —
В цвету и в силе,
Аз есмь с моим нерусским отчеством
Дитя России.
Как долго быть еще мне падчерицей?
Или придется
До страшного суда расплачиваться
За грех сиротства —
Все праотцев долги замаливать
Да клясться кровью,
Да руки истово заламывать:
Прими с любовью...
Прости, великая, всемогущая,
Прости, святая,
За стыд обобранных и выселенных,
За боль без края,
За страх оплеванных, униженных,
Оговоренных,
За прах повырезанных, выжженных
Не погребенный.
Прости за стон под корень скошенных
С детьми, с дедами,
Породно и порозно брошенных
К могильной яме...
Что полосы траншеей вскопаны —
Что рыли сами,
Что косы как колосья, копнами
Под сапогами.
Не помни их, зарытых заживо —
Герои разве.
Давно на теле шрамы зажили,
Не раны – язвы.
Прости, что хлебные да травяные
Твои уголья
Тяжелым снадобьем отравлены —
Моею плотью.
Так мне ли предъявлять ручательства,
На крови клясться,
Что не свершу я ни предательства,
Ни святотатства.
Сними истории проклятия

На древность рода.
Прими, прими в свои объятия
Дитя-урода.

«СКОЛЬКО ДЛИННЫХ МИНУТ...»

Сколько длинных минут
В веренице безумно длинных недель —
Сквозняк.
Человек продрог,
Хотел
От ветра найти приют —
Не смог,
Иссяк.
Сердце стиснул в кулак
И грел.
Долго брел наугад —
Слышал тополя запах клейкий
И щекотное шептание елей
Сквозь березовый ливень и липовый шелест —
Зачарованный сад...
Захмелел
И воздуха полный глоток
Сделать хотел —
Не смог:
Будто огонь вдыхал.
Тогда крепче ладонь сжал,
Суставы сводил так,
Чтобы входило в кулак
Сердце, а сам
Вдаль глядел без участия.
Боль-ток пронзает запястье
Как жалит оса,
Боль-туман
Подступает к самым зрачкам,
Но только затвердевает рука
Человека,
Держащего сердце свое в узде...

И по воде,
В надтреснутой скорлупе облаков
Проплывает лицо его.
Заиндевела его голова,
Заиндевела от самых висков,
Окаменела рука,
И пальцы не расцепить никак
Человеку,
Сжавшему сердце свое в кулак.

Гроза

Скрипучий уклад коридора —
Шаги как движение лет.
Под спудами дряхлых запоров
Колоды вчерашних газет.

Замки отпираются туго,
И старческой дрожью стекла
В цепях ледяного недуга
Себя выдают зеркала.

А с улицы просится шорох,
А с улицы вихрем сквозняк
Вздымает слежавшийся ворох
Ненужных и пыльных бумаг.

А в окна врывается рокот
И скрежет, и визг тормозов,
Букет реактивных полетов,
Цементная взвесь корпусов.

И уличный ветер задорный
Разносит по комнатам сор:
Дурманящий гомон перронный
И гарь пережженных рессор...

Размыты лепные карнизы,
В овалах не видно ни зги.
В подъезде по лестнице снизу
Знакомые слышу шаги.

Мне в сводках погоды нет проку —
Так ясно, что грянет гроза,
Едва я взгляну ненароком
В зеленые эти глаза.

Двадцать пятый час

Здесь ли к полуночи ходит вагон
И от полуночи за полночь где-то,
Где закругляется пыльное лето,
Где для трамваев устроен загон?

Так утомителен час двадцать пятый
Стрелкам, терзающим диск циферблата,
Дважды с одиннадцати восходящим,
Дважды к полуночи за полночь бдящим —

Стрелкам, двойные минуты cedящим,
Стрелкам, стальные пути наводящим,
Рельсы раскатывающим без счёта
На непомерный овал поворота.

Так утомителен час двадцать пятый,
Полуистлевший, прошедший, проклятый,
Стрелкам, вонзающим темени в темя
Тенью удвоенной дойное время...

Нет, до полуночи здесь не доехать,
Бодро тряся бубенцами в разгон:
С вечера все перевешаны вежи,
Не довезёт до конечной вагон.

Множатся числа трамвайных маршрутов,
Цифрам не значащим верить невмочь.
С вечера все перекручены путы,
Рельсов ремнями стреножена ночь.

На поворотах, в толкучке, в трамвае
Бывшего времени суть маета.
Время вчерашнее не убывает,
И непомерна его пустота.

Ожидание

Я жду,
Пока ты устанешь меня забывать.

Я жду, пока
Дни станут короче, а ночи длинней
Тополиных лиловых теней.
Пока
Ещё алеет закат,
И лишь за вёрстами вёрст
Рдяный восток развёрст —
Иначе ночь коротка.

Я жду. Но сперва
Зеленеет трава,
Потом желтеет в свой срок,
Потом у самых у ног
Снега покров лёг,
Потом
Дождь дрожащим перстом
Тронет тени у глаз —
Так тысячи раз.

Я жду. Смех, плач.
Дети играют в мяч,
И оранжевый мяч надувной
Похож на луну.
Вот и теперь – как давно:
Дневной иссякал жар,
С неба стекал шар
И струил желтизну.
Луна – апельсин, жар,
Потом костяной шар,
Потом голубой свет,
Потом её нет.
Так тысячи лет.

Я жду, пока
Станут рекой облака,
Морем станет река,
Море – вихрем песка...
Вековечных веков века
Я жду.

Нет,
Я никуда не уйду —

Я жду.

Сон дерева

Саван серый – садовая сень.
Натянулась сумерек сеть.
Меж стволов ускользает день —
Я вдогонку хочу лететь.

Я корням – я всей силой вспять
Кровным токам родной земли:
Отпустите меня летать,
Только ночь скоротать вдали.

Ночь одну, как хочу, царить
Напророчил мне соловей.
Отпустите, дайте парить
На ветру от моих ветвей.

Не держите, не утерплю,
В каждой почке взойду пером —
Небо зеленью окроплю,
Прорываясь за окоем.

Кольцевея, околевать,
Счёт вести закоснелым дням?
Я хочу полёт перенять —
По корням меня, по корням!

...Ах, как падаю высоко.
Крона мёртвая тяжела...
Отпустила земля легко,
Отпустила и приняла.

«Небо вытекло белком из яйца...»

Небо вытекло белком из яйца,
Солнце выплыло бельмом в створке век.
Держит улица ладонь у лица,
И не видит, что слепой человек.

Укрывает за углом поворот
И молчит, что каждый дом лабиринт,
И дорога одурающе врет,
Что целебный на глаза она бинт.

Чтоб не видеть плотно сомкнутых губ
И свинцовых мин высоких дверей,
Уведет, где ветер влажен и груб —
На не попорченную гладь пустырей.

Замер строй дворов в военном каре,
Щерит черные ворота забор.
Каждым выступом нацелен торец:
Я на улице своей словно вор.

Я не верю и шагну на крыльцо
Или к низкому окну припаду.
Но у этих стен чужое лицо —
Пропаду один, один пропаду!

«Хотите, буду Вашим саквояжем...»

Хотите, буду Вашим саквояжем
с бесчисленным количеством карманов,
наполненных дорожной суетой?

Или не то:

картиною, коллажем
из бледных губ и выпитых стаканов,
и фраз из непрочитанных романов,
изысканно звучащей пустотой
и Вашей речи трепетной мембраной,
послушной тенью, слепком, чем – не суть...

Хотите?

А меня уже несут
в толкучке площадей непроворотных,
в авоськах, сумках, свёртках из газет,
в чужих глазах, в чужих ладонях потных
передают с монеткой на билет.

Спешите пассажиров и прохожих
ошеломить, толпу плечом раздать.
Шепните – я успею угадать,
как одолеть усталость и похожесть,
подайте знак – не стану досаждать...

Я не умею притворяться вещью.
О, это трудно – обладать не-вещью:
Ведь Бог весть с чем

Бог весть как совладать.

Страх

Динь-динь-динь... Звон иссяк,
Как иссякли цвета и цветы
Под напором густой пустоты —
Надвигается мрак.
Осторожный тишайший стук
В чуть приоткрытую дверь.
Да здравствует верный испуг:
Что будет теперь —

Тук-
 тук-
 тук...

Да здравствует страх,
Оплетающий враз, оплывающий зыбко
Полуотклеившейся улыбкой
На побелевших устах.
Невротический тик —

 так-
 тик-
 так —

Фантастический такт.
Как продолжителен миг!

Хлоп-
 хлоп-
 хлоп...

Ветер, захлопнув дверь,
Рвётся в полотнах портьер.
По спине – озноб.

 Ах!

Это никчёмный страх,
Это молния – тр-р-рах! —
В форточку ливень лепит...
Вольно! стряхивайте пепел.

Второй

Я тебя опознал:
Это ты
В омут меня манил.
Просвистел,
Просвиристел, пропел,
Промотал —
Целые дни
Ты у меня крал.
Я за это тебя наказал —
На год
Ты кукушкой настенной стал,
Куковал
Напролёт
У часов на цепи.
Из жестиных ворот
Ты выскакивал полночью
И гаркал: «Не спи,
Ку-ку!» —
И минуты клевал на скаку.
Но с помощью
Моих заботливых рук
Не остывал
Разогретый бегом минут металл.
Ты скрежетал —
Ку-ку! —
Шестерёнок накал
В жестиной груди клекотал.
Ты цепи мотал,
Ты свинцовые гири хватал,
Выдавая время на вес.
От чужих забот
Из кожи
Ополоумев, лез,
Моих минут счетовод.
И всё же,
Неимоверно упрямым,
Ты меня
Сверлил крашеной жестью глазищ.
А потом и впрямь
Крылья свои опростал:
Ты птицей бездомной стал,
А я сделался нищ.

Финист – ясный сокол

Три пары железных ботинок.
Три посоха, жестью обитых,
Три сотни обмоток холщовых
Сносились, рассыпались в прах

С тех пор, как бреду без дороги —
Сугробы, овраги да логи,
Да долгие ночи тревоги
В трясучих шальных поездах.

С тех пор как покинула дом я —
Три года безумной погони.
Перо серебрится в ладони,
Ведет, не пускает назад,

Туда, где над грудой обломков
Боль раненой птицы не смолкла,
И алые брызги на стеклах
Легко поновляет закат.

Мой сокол умчался далече,
И вот мне скиталицей вечной
Брести никому ни навстречу
Да в окна чужие стучать.

Ну что ж, раз не вышло иначе,
Раз я не смогла по-другому,
Раз ни по кому по другому
Я так не умела скучать.

Снежная королева

Небо слиплось, крошевом колким
Обреченно ринулось вниз,
Ледяные иглы-обломки
В чуть живую землю впились.

Мерзлый воздух блестками залит,
Остывает тремоло флейт.
Королева снежной печали
Распустила по небу шлейф.

Королева в хрустальной маске,
Обжигают ее уста,
Без стыда расточает ласки,
А под маскою пустота.

Распахнулась кареты дверца —
Или то кометы болид? —
Ты попал – в груди вместо сердца
Пустота у тебя болит.

Бедный Кай, из радужных льдинок
Слово «вечность» хочешь сложить.
Ты не с той ведешь поединок:
Пустота тебя сторожит.

В облаках сиреневой стужи
Пар дыханья едва дрожит.
Бедный Кай, ты уже не нужен
Королеве сусальной лжи.

Как теперь к тебе достучаться —
В пустоте ни метров, ни миль.
Если Герда сможет домчаться,
Одoleв безмолвия штиль,

Добредет ли Герда, доскачет,
Изодрав драгоценный мех,
Пусть обнимет тебя, заплачет —
Слез ее не хватит на всех.

Не дотронуться, не согреться,
Стынут пальцы стиснутых рук,
И уже в груди вместо сердца
Стекленеет выдоха круг...

В облаках сиреновой стужи
Заалел серебряный край:
Ты всего лишь слегка простужен,
Зайчик мой, воробышек, Кай!

Галатя

Я проснулась
Из-за отсутствия боли.
Бой часов
Оглушительно замер.
Луна на воде
Проступала разводами соли
И на небе
Размытыми пятнами рвано,
Как рисунок на камне.
Цикады
Свой бесконечный гекзаметр
Повторяли покорно.
Я проснулась,
Когда ощущать перестала боль.
Я была изваянье.
Ночь
Хищною рыбою черной
Плыла надо мной.

Бедный мастер,
Мой отчаянный мастер,
Что ты наделал!
Ты не чувствовал разве,
Как с каждым
Прикосновеньем резца,
Холодея,
Замирает твоя Галатя,
Не смея
С мучительной мраморной лаской
Покончить в сердцах...
Жизнь затеплилась было,
Словно в преддверии сказки —
Мастер, мастер,
Какой был задуман конец!
Я любила тебя,
Я тебя как умела, любила,
Я божественным делала
Твой оголтелый резец...

Ты напрасно трудился:
Снова
Пред тобой бездыханная глыба —
Мертвому
Неведома боль.
Ночь плывет надо мной —

Бездомная черная рыба,
И луна, разбиваясь о тело мое,
Обращается в соль.

Гаданье

Мне гадала цыганка.
Не цыганка – блондинка, шарлатанка,
Дежурная ведьма проектной конторы.
Из недр запыленных диоптрий
Вонзала суровые взоры
Вглубь ладоней.
Изрекала, конфузясь,
Читая едва по графиту,
Что пути мои сбиты,
И линии сходятся в узел.

Мне гадала цыганка
В электричке пустой
За той
Пресловутой проклятой
Ещё не забытой сто пятой
Верстой.
С налёту
Начала издалека:
Ворожила,
Что знать не положено ей, ворошила,
Спешила,
Пугала,
Без конца повторяла:
«Несчастлива!»
Безнадёжно, беспредельно, всечасно...»
Всё черно.
Тут покорно
Отворяла я ей свой пустой кошелек:
Был далёк
Тот обратный мой путь,
И лишь несколько мелких монет
Завалилось на дне.
Как не выманить ей?
Как проворно не выложить мне —
Как-нибудь
За гроши
Откуплюсь от худой ворожбы!
Откупились уже, по пути
Откупились почти:
Я о камни, о корни
Стирала, сдирала ладони,
Чтобы линия стала ясней, чем просвет на погоне...

Электричка трясёт. Маленковская. Стоп, выходи.

Вот он, бывший Мазутный, Сокольники там, впереди.
Дачи старые, госпиталь, школа, за трубами – дом,
И берёзовый лес, и утиный смешной водоём.
Осень поздняя, звонкая, розовый дым поутру.
Это линия. Жизни. Прямая. Пока не помру.

«Рука не упадет – душа не оскудеет...»

Рука не упадет – душа не оскудеет,
И Божья благодать не застаёт врасплох.
Под небом золотым другая роза рдеет,
Под небом голубым цветёт чертополох.

Под небом голубым вода чернее ночи.
Как можно ей крестить – она ведь не чиста.
Под небом золотым Пилат персты омочит
Студеной, ключевой, из вечных ран Христа.

Без вечных ран Христа земля теряет силу,
Без вечных слез мольбы – пустых синюшность век.
Под небом золотым не трудно Михаилу
Ладонью в грудь бия, вскричать: «я – человек!»

Под небом золотым – зачатие восхода:
Всегда светло горит, не начиная жечь.
Под небом голубым – едва ли миг за годы,
И эту воду пить, и в эту землю лечь.

Рука не упадет – душа не оскудеет.
Нет дани тяжелей – платить за Божий дар.
На небе золотом пузатый ангел реет,
А в небе голубом ещё парит Икар.

Рождество

Старик, что с дочерью твоей?
Жена – да мне какое дело,
Родить бы к празднику успела.
Эй, проводите-ка гостей!

Ах, места нет – а ей пора:
Скорей постлали сена в ясли...
Чадит коптилка с черным маслом,
Скрип двери, хохот со двора,
Хозяйкин крик да ставен стук —
Под праздник суетно и шумно,
Под праздник ругань, и бездумно
Наперебой гоняют слуг.
Под Рождество, под Рождество
Вскрывают погреб, режут птицу.
Гусиным горлом кровь струится —
Так начинают торжество.

Под Рождество, под Рождество
Снега белее, злее выюга.
Да оградит ли от недуга
Святого старца сватовство?
Едва ль надежен ветхий кров,
Едва ль наутро солнце вспыхнет,
Метель выюжит, выюжит – не стихнет
Метель и чавканье коров.
С мороза, с инея в мелу
Зашел пастух воды напиться —
Не может баба разродиться
На мерзлом земляном полу!

Но эта ночь – под Рождество,
И чередом идет веселье,
Рекою мед, хмельные зелья —
Умэйи – родится Божество!
Зовут детей из дома в дом
И молодым велят рядиться...
Жена не может разродиться,
По-рыбьи воздух тянет ртом.
Уж не в уме – в полубреду —
Так тяжело, что кричать боится —
Не может Дева разродиться
В жару, в ознобе... кровь на льду...

Под Рождество, под Рождество

Так замечает, так заносит.
Молись усерднее, Иосиф,
Во славу сына своего!
Как будто скрипы по снегам,
Как будто легкий привкус дыма —
Но нет, волхвы проносят мимо
В кадилах тающий ладан.
Едва ли вещая звезда
Во вьюжной путанице зрима —
Опять волхвы проводят мимо
Свои с дарами поезда.

Благословен иль проклят час —
Оборвалось, под сердцем пусто...
И Мириам в который раз
Приносит мертвого Иисуса.

Китеж

«На крыльях синей стрекозы...»

На крыльях синей стрекозы
Под сень серебряной пушинки,
Туда, где музыки азы
В бутоне зреющей кувшинки,

Где заплутавший луч дрожит,
Сполна хлебнув воды озерной,
Где ткут усердные стрижи
По краю свой полет узорный—

Там слюдяная глубина
Песчаной отмели случайной,
Травинка каждая видна,
Прильнувшая к доске причальной.

От озерца до озерца
В сосновой хвое тонет тропка.
Нам достается созерцать,
Творцу подыгрывая робко.

Китеж

Контур из тумана четкий, чуткий,
Чайкой покачнулся на волне...
Не о нем шептали незабудки,
Василек, укрывшийся в стерне,

Или лепетали маргаритки,
Стайкой налетевшие на склон?
Сонное ворчание калитки,
В тростнике негромкий перезвон —

Истончилась утренняя дымка,
Озеро лучится, как кристалл:
Словно скинув шапку-невидимку,
Древний город из глубин восстал.

Размахнешься, плоский камень кинешь —
Он отскочит, будто от стены:
Это Китеж, славный город Китеж!
Вот и очертания видны,

Проявились и зубцы, и башни,
Что там – терема ли, купола?...
А вокруг холмы, луга и пашни
В зелени озерного стекла.

В паутине отраженных линий
Замирает утренняя тишь —
Только неба купол синий-синий,
Да едва колышется камыш.

Борисоглеб

Колокол небо вылакал,
Словно ожег язык.
Звонкую душу выплакал
И, обездвижен, сник.

Эхо пугливым шорохом
Кинулось в лапы пихт.
День отошел, под ворохом
Влажной листвы затих.

Пруд затянулся ряскою
Под покрывалом сна —
Ласково ополаскивал
Ивовы кружева.

Вдруг озарился празднично
Тусклого неба край,
Словно за далью давешней
Вход отворился в рай.

Мчится по небу конница,
Ангелов белых полк —
Вот и зарделась звонница,
Алый надела шелк.

Так и стоит невестою,
В арках высокий лоб —
Ждет жениха небесного
До колокольных строп.

Молога

Вода заполнила карманы,
И закуты, и рукава.
Твои седые капитаны
Стоят в воде, как деревья.

Твои матросы приуныли,
И рыбаки пьяны давно:
В дорогу хлеб, да горстка пыли —
Допили горькое вино...

Под воду сходят понемногу
Овины, пажити, стога.
Прощай, спокойно спи, Молога —
И отступают берега.

Гудит шальное половодье,
Несет по водам стон и треск.
На дне подворья и угодя,
Но все еще маячит крест,

Что стал кладбищенским невольно —
Идет волна, в висках стуча.
Одна белеет колокольня,
Как поминальная свеча.

Она не пропадет из виду —
Впечатан в небо силуэт:
Здесь затопили Атлантиду
Во имя будущих побед.

Рыбинское водохранилище

Колокол

В деревушке убогой,
У дороги окольной,
Особясь, недотрогой —
Церковка с колокольней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.